

В крови горит огонь желанья

Культура. 2002. 29 апреля. № 15. С. 10

16 сентября ему исполняется три года. С одной стороны — дитя, с другой — горы им свершены неслучайные. В первый же сезон было поставлено пять опер, появились пять просветительских абонементов, пришел главный дирижер Андрей Елзенов и "заработал" принцип "Нет комплексу провинциальности". Надо видеть, слышать, знать. И себя показывать. А потому чуть не с первого дня Ростовский театр принялся звать к себе столичных критиков и музыковедов, искренне желая слышать от них правду и только правду. И чуть не с первого дня гендиректор и худрук театра Вячеслав Кушнев взял за правило ездить на все премьерные и фестивальные акции в обе столицы: туда же отправлял посылать квалификацию и своих специалистов. Юрид, как мог, давал свое любимое дитя, которое ждал 25 лет (столичный строилась здание). Однако не забывал напоминать: зарабатывать, родной, и сам. Что театру, по словам его лидера — профессионального музыканта, опытного функционера и удачливого предпринимателя Кушнева, стоило удивительно.

до сих пор вакантным пост главного режиссера. В связи с этим — цитата "из Кушнева" двухлетней давности: "Очень хочу, чтобы в театре был главный режиссер. Это может быть молодой человек, у которого звездный час впереди, но потенциально — уровня Любимова, Покровского, Захарова. Я бы, например, Исаакян театр с удовольствием отдал. Представляю, что у этого парня будет много кошмаров, "Масок" и т.д. Тогда должность худрука мне вообще не нужна. Деду богам в театре молиться не нужно".

Исаакян давно возмущает другой театр, и даю не в конкретном имени. Дело в том, что Кушнев, выбрав главного режиссера, выбрал с ним и режиссерскую эстетику, далекую от той, аполонизмом которой как будто был сам. При этом он остался художественным руководителем и театра, и постановок (даже александровских). Можно сказать: шаткая лавина позиции. Вячеслав Митрофанович. А можно толковать этот шаг как продолжение поисков с закономерными на этом пути тулками, находками и неожиданностями. Куда

идем, да — "Брянный вексель" и "Лягушки" — это. Обе отличались профсоюзным столичным толком и могли бы быть, да, и сейчас, а не там, куда указывало либретто. "Я — за авторский театр", — уже познано обнародовала свое кредо Цирюк. Но ее театр, и живой, и "грамотный", не блистал своеобразием авторского почерка. Она занималась формальными вариациями на тему, но не приращением смысла. Вот в чем они с Исаакяном разные птицы — во всяком случае пока (помнится, и Исаакян развернулся, лишь обретя свой театр).

А что же Юрий Александров? На этот раз и он сыграл в "командную" игру. Его "Баттерфляй" сказала, что увенчанный лаврами мастер умеет не только возноситься в горные выси, но и производить ширпотреб. Легко усвояемый, никого не шокирующий и везде уместный. На сцене, где яблоку негде было упасть среди нагромождения Фудзиям, каменной-истуканов, осов и банзаяв в кадках (художник В.Окунев), разыгрывалась история из разряда "какую ждешь — такую и получишь". В ней были за-

Сцены из постановок "Вексельный дом" (справа) и "Милый Баттерфляй"

В свой второй сезон театр бросился с еще большим энтузиазмом. Взятый с самого начала темп аллегро превратился в presto. К "Кармен", "Травиате", "Брянному векселю" и "Беззащитному существу" (опере ростовчанина Ходорша) прибавились "Царская невеста", "Онегин" и "Ведьма" Власова — Фера. В новой редакции пошли "Травиата" и "Юнона" и "Авось". Появились детские спектакли "Золушка" и "Бременские музыканты". Наконец, пополнился опереточный багаж. Наследство, оставленное Музыкальной (на обветшавшей базе которой, собственно, и вырос новый Музыкальный театр), приросло "Летучей мышью" и "Балом в Савайе". Нетрудный подсчет — и головокружительный итог: семь новых работ плюс две капитальных редакции. Сверх того в этом сезоне театр открыл Камерную сцену, поставил первый балет "Жизель" и впервые пригласил дирижера-иностранца. Это был Маурицио Дюнес, возглавлявший театр в итальянском городе Кьетти, но "замеченный" и в Ла Скала, и в Ковент-Гарден. Он работал над новым вариантом "Травиаты". Но едва ли на главных событиях этого оперного сезона была встреча ростовчан с бароном Исаакяном.

Самое сардоничное расположение художественного руководителя к Исаакяну и вообще к режиссерскому театру было известно. Но за "Царской невестой" прошел "Онегин" — и Кушнев приказал: а готов ли ростовская публика, толком еще не акклиматизировавшаяся к столь радикальным ее переосмыслениям? Да и потянул в другую сторону. В другой стороне были питейши — Юрий Александров и Сусанна Цирюк. Учитель и его ученица. Им и был "отдан" третий сезон, в котором театр благодушно обещал темп и свел число больших премьер к двум — "Мадам Баттерфляй" и "Веселой вдове". Но существеннее другое. Сразу после исаакяновского опытов Кушнев назначил Цирюк на

приведет сделанный Кушневым шаг (читай: каким будет лицо театра) — вопрос открытый. Но избранную эстетику попробовать на зубок можно.

Она не в "Веселой вдове" Сусанны Цирюк. Спектакль не удался и породил разве что недоумения. Ладно постановщик — опереточным режиссером надо родиться, мало того сей самородок надо помешать (к чему, как выяснилось в разговоре, руководство Ростовского музыкально не располагалось). Но в театре, априори впитавшем в себя традиции Музыкальной, которая в свою очередь 70 лет формировала культурный климат в городе, труппа абсолютно не владеет этим искусством. Вопрос, заставляющий содрогнуться, — что ж это была за Музыкальная? Какая "Веселая"! Просто "вдова" явилась на эту сцену. Взялась жеманиться натугой шутить, деревенно говорить Англию размытые Действия толпятся на месте. Вместо куража — усердие честных работниц. Все, что удалось в спектакле, — это канкан, который выплеснулся даже в фойе, ошарашив публику, только что отступившую сядущие мурлыкающие роля. А вот тут уже речь об эстетике. Но того, кто режиссирует всю театральную жизнь. В антракте здешние традиционно звучит роль, благополучно озабоченная зрителем от пережитого и переживаемого на спектакле. Сделать по максимуму приятно — читается в этом идея художественного руководителя. Но когда-нибудь безобидное пока ружье может выстрелить. Впрочем, уже потренировал.

Это слышно в сомнениях худрука: улаживать ли желания публики (то бишь сохранять ли приятные отношения) или вести за собой, сталкиваясь и с раздражением, и с непониманием. Это уловимо и в почерке Сусанны Цирюк. Решившей его не в "Вдове", а раньше. Она пришла в театр, в сущности, как только он открылся. Три постановки в тот первый сезон были сделаны местными

князьями вроде Кэт, которая оказалась нравой шуткой не оставляющей сомнений, что именно она спровоцировала прощальный приезд Линкартона, она велела ему вырвать ягнотку из сердца. Но еще больше было пустой эффефективности. Она — в падающей в финале Фудзияме, в дежурных дымах, в фигуре экзотического донель-за самурая, олицетворявшего тень отца Баттерфляй. Трагедию Александров превратил в романтическое сказание. Психологические метаморфозы героини его не замечеросвали. Ни духа, ни эстетики Япония он (включе с художником) не нашел — при том, что ничего другого не искал. Прибавлять сюда тяжёловесный, неаккуратный оркестр под управлением Алексея Шакуро, убавлять недурной вокал всех действующих лиц — картина не изменится. По большому счету, это неудача. По малому — приличный товар. Даже конвертируемый — с "Мадам Баттерфляй" ростовцы отправлялись на свои первые гастроли. В Англию. На этом с критикой покончено. А победные реликвии (гастрольный прорыв!) можно продолжать.

Подходит к завершению создание по инициативе театра и на его базе хора мальчиков с дальним прицелом — в большом театральном хоре не хватает мужских голосов. Усилиями театра только что открыто хоровое-финансовое училище, вообще первое в области. Цель та же — обеспечение творческого благополучия театра в перспективе. Недоиспеченные подлинки (без всякой иронии). Но, выходит, есть задача потруднее. Это ответ на вопрос: какова творческая концепция театра? С одной стороны, ее позиции и составляют на сегодняшний день главную "интересность" Ростовского музыкального. С другой — отвечать на этот вопрос предстоит одному человеку, взвалившему на себя беспрецедентную ношу. Юноса команды из Ростова все еще не слышно.